

— Плохо дело! Здесь у кого-то приступ астмы! Быстрее, есть тут врач?!

В клубах пропитанного бензином выхлопного дыма отчаянно кричал спасатель с испачканным сажей лицом.

— Я иду!

Закончив перевязывать голову очередному пострадавшему, Линь Чжияй подбежал к спасателю. Увидев девочку лет семи-восьми, он опустился на корточки:

— Быстро, помоги усадить её в полусидячее положение, наклони туловище вперёд. Вот так, отлично! Где её родители? Срочно спроси, где её лекарство!

— Её мать без сознания, тяжело ранена, её только что погрузили в машину скорой. Девочка только что была в порядке, и вдруг резко начала задыхаться!

— Скорая уже уехала? — Линь Чжияй огляделся.

К ним подбежала медсестра:

— Три машины уехали. В последней тяжелобольная, свободных ИВЛ нет, а дексаметазон из аптечки закончился! Нужно обязательно найти её собственный ингалятор!

Сердце Линь Чжияя сжалось от тяжести. Поглаживая девочку по спине, он мягко проговорил:

— Не бойся, малышка, всё будет хорошо. Скажи, где твоё лекарство? Помнишь, чем тебе брызгали, когда раньше становилось трудно дышать?

— Хр-р... хр-р... Мама... ма-ма...

Лицо девочки багровело, она задыхалась до полуобморочного состояния, из глаз градом текли слёзы.

— Малышка, у вас в машине есть спрей от астмы? Скажи нам, и я сбегаю за ним, — торопливо подключалась медсестра.

Но ребёнок от страха совсем потерял способность мыслить: девочка не понимала вопросов и захлёбывалась судорожными вдохами.

— Так дело не пойдёт. В какой они были машине? Я сам сбегаю, — Линь Чжияй взглянул на пожарного.

— В самом начале завала, единственная синяя легковушка! Но лучше я сам! — Пожарный поднялся и устремился к машинам.

Однако, добравшись до места, он обнаружил, что в уцелевшем багажнике никаких медикаментов нет, а аптечка зажата под смятым пассажирским сиденьем.

Передняя часть салона превратилась в груды металла: не то что дверь — окно, сжавшееся до трети от прежнего размера, распахнуть было невозможно.

Пожарный осторожно выбил остатки стекла и изранил руки, пытаясь дотянуться до заклинившей аптечки. Кое-как ему удалось сдёрнуть крышку, но на верхней полке теснились десятки пузырьков. Разобраться на ощупь, где спрей от астмы, было нереально.

Он уже собирался доставать все пузырьки по одному, как вдруг сильные руки ухватили его за плечи и оттащили в сторону. Обернувшись, спасатель обомлел: перед ним стоял тот самый красивый юноша, помогавший с девочкой.

— Ты чего сунулся?! — рявкнул пожарный. — Тут смертельно опасно!

— Я найду быстрее. Иди помоги остальным, там твои ребята пытаются поднять кузов.

Линь Чжуйюй понимал: если за две минуты пожарный не вернулся, значит, возникли трудности.

Он наклонился и оглядел аптечку:

— Наверху спрея от астмы нет.

— Нет?!

— По крайней мере, на первом ярусе.

Линь Чжуйюй изо всех сил подался вперёд. Острый край изуродованного металлического оконного проёма рассек ему руку до крови, но юноша словно не ощутил боли.

Он рывком откинул верхнюю перегородку аптечки. И в этот миг за его спиной раздался исполненный ужаса крик:

— Беда! Назад!

— Бросай всё, отходи! — лицо пожарного перекосилось от страха. Из-под бензобака опрокинувшегося справа грузовика вырывались подозрительные трескучие искры.

Он отчаянно замахал руками, надрывая глотку:

— Назад! Сейчас рванёт! Отходим, быстрее! Все отходим!

Находящиеся поблизости спасатели изменились в лице. Схватив раненых, они бросились прочь. Теми, кого зажало в искореженных кузовах с повреждениями позвоночника, пришлось рисковать — их вытаскивали напролом, забыв об осторожности.

Линь Чжиюй даже не шелохнулся. Лицо его оставалось суровым, бровью не поведя, он просунул руку глубоко на нижний ярус аптечки.

Среди десятка пузырьков действительно лежали два флакона флутиказона фуроата, умеклидиния и вилантерола.

Сжав зубы, Линь Чжиюй тянулся к ним, когда с нижней стенки аптечки кружась упала круглая фотография. На ней была запечатлена та самая задыхавшаяся девочка на руках у седого старика, за спиной которых улыбалась супружеская пара.

Рядом детским почерком было выведено: «Я люблю мою семью».

А стариком на снимке был Цзян Гопин — заместитель секретаря пекинского горкома партии, тот самый, что когда-то вручал Линь Чжиюю премию для выдающейся молодёжи.

Юноша замер. За его спиной снова раздался отчаянный вопль:

— Беги! Бросай эти лекарства, беги-и-и!

В голове Линь Чжиюя за долю секунды пронеслась вереница мыслей. Взгляд его потемнел, лицо застыло. Вместо того чтобы спастись, он упрямо ухватился за заветный флакон.

Едва пальцы сомкнулись на медикаменте, животное чувство опасности и дикий инстинкт самосохранения ударили в затылок! Адреналин хлестнул через край. Рывком поднявшись, Линь Чжиюй рванул прочь со всей мочью. В ушах оглушительно стучала кровь, бешено колотилось сердце. Спустя пару секунд за спиной грохнул оглушительный взрыв.

— ГРОХОТ!

Страшная взрывная волна швырнула его вперёд. Линь Чжиюй принял удар на лету — спину обожгло дикой болью, будто кожу и кости распластало раскалённым железом.

Кровь хлынула ручьём, но юноша, казалось, ничего не чувствовал. Лишь отползя на несколько

метров и оставив за собой кровавый след, он услышал испуганные крики.

— Не двигайся! Не шевелись!

Двое спасателей подбежали к нему, бережно подняли окровавленное тело Линь Чжиюя и уложили на носилки. Юноша, сжав зубы, не издал ни звука. Он лишь поднял руку с зажатым флаконом; кровь, стекая по запястью, окрасила пузырёк в алый цвет.

— Отдайте... ребёнку...

— Да что ж ты за человек-то такой!.. — у пожарного с испачканным сажей лицом покраснели глаза. Уставившись на Линь Чжиюя, он смахнул с лица копоть, выхватил спрей и помчался к медикам.

Передав лекарство, он тут же вернулся.

— Скорые из Шестой и больницы 303 уже подходят! Держись, парень, если больно — кричи!

Глядя на испуганное лицо спасателя, прочившего ему скорую смерть, Линь Чжиюй на мгновение почувствовал странное отрешение. Всё стало совсем иным.

Не похожим на те проклятые дни, что въелись в его кости и калечили душу в прошлой жизни...

Линь Чжиюй прищурился, глядя на непроглядно-чёрное небо, где на самом краю теплилась тонкая серебристая полоска рассвета.

— Как хорошо... — тихо произнёс он.

— Что хорошо?! — пожарный обомлел, а затем почти закричал срывающимся голосом: — Ты едва не погиб! Чуть дух не испустил! У тебя вся спина в месиво превратилась, а ты говоришь «хорошо»?!

— Я же орал тебе: «Отходи!», ты почему не слушал, а?!

Подбежавшая врачебная бригада тоже суетилась:

— Ранение тяжелейшее! Живо, машины пришли, погружайте его!

— Не надо, — возразил Линь Чжиюй. — Со мной всё в порядке. Оставьте скорую тем, кому нужнее.

— Да прибыли уже пять или шесть машин! Всем хватит, слышишь! — закричал пожарный.

— Верно, большинство раненых уже отправили, — поспешно добавила медсестра, с тревогой и изумлением глядя на юношу.

Любой другой на его месте давным-давно потерял бы сознание от болевого шока. Почему же этот невероятно красивый парень держится так невозмутимо, словно у него всего лишь царапина? За десятки лет работы в медицине она ни разу не встречала такой бесчеловечной стойкости. Это казалось за гранью разумного.

Убедившись, что пострадавшие отправлены и ресурсов достаточно, Линь Чжиюй уступил:

— Хорошо.

Окинув взглядом взволнованные лица сестры и спасателя, юноша на мгновение задумался.

Может, он действительно тяжело ранен?

Но по сравнению с непрекращающимся кошмаром его прошлой жизни эта боль — лишь лёгкий порез на пальце, не стоящий внимания.

Его тело и разум давно онемели от ежедневных пыток...

Впрочем, теперь всё это не имеет значения.

Главное — он выиграл эту ставку.

По прибытии в больницу Линь Чжиюя сразу же направили в операционную, однако перед началом возникла заминка.

Юноша категорически отказался от общего наркоза, а хирург настаивал именно на нём, из-за чего драгоценные минуты утекали.

В конце концов врачу пришлось уступить истекающему кровью пациенту, находившемуся на грани шока: операцию начали под местной анестезией. Её действие и продолжительность значительно уступали общему наркозу. Весь процесс бригаду одолевал страх, что парень начнет биться в конвульсиях от нестерпимой боли или отключится, но они стали свидетелями жуткой, почти сверхчеловеческой выдержки.

Линь Чжиюй за всё время не издал ни единого стога, не дрогнул ни единым мускулом. Его взгляд оставался настолько отрешённым и спокойным, что хирург сначала испытывал шок, а под конец начал всерьёз подозревать у пациента анальгезию — редкое расстройство, при котором полностью отсутствует болевая чувствительность.

Линь Чжиюй ничего не объяснял. Он лишь смотрел в потолок равнодушными глазами.

Ему нельзя было засыпать: в бессознательном состоянии его могли без труда похитить люди семьи Жуань. Да он и не мог уснуть, ведь только сейчас, получив передышку, сумел во всех деталях вспомнить прошлую жизнь и то, что довелось увидеть перед смертью...

Картины прошлого, словно кадры синемаатографа, проносились в его сознании. Глядя на то, как агонизировали его близкие и он сам, юноша не сдержался — глаза его наполнились слезами.

Лишь сейчас до него окончательно дошло: он действительно переродился.

Линь Чжиюй ощутил жгучую ненависть к самому себе — почему он вернулся так поздно?!

Сейчас отец и младшая сестра уже брошены за решётку, а мама...

В день их ареста мама отправилась в компанию искать доказательства невиновности близких, но её сбила машина ещё до того, как она успела войти в здание. Сам Линь Чжиюй вернулся в университет через три дня после похорон матери — и тут же получил приказ об отчислении, а затем последовало заточение и непроглядный ад нечеловеческих истязаний.

Слеза скатилась по щеке Линь Чжиюя. Он прикрыл глаза.

"Мама..."

— Тебе очень больно?! — поспешно спросила медсестра.

Больно.

Ужасно больно.

Но болит не тело.

Раздирающая душу тоска и ненависть сковали Линь Чжиюя, не давая вымолвить ни слова. Он лишь сжал челюсти, изо всех сил сдерживая рыдания.

Семья Жуань...

Ну ничего, вы у меня ещё попляшете.

— Что?! До сих пор не справились?!

Из динамика телефона раздался ледяной голос. Несмотря на июльскую жару, у коротко стриженного мужчины, сидевшего в чёрном автомобиле, по спине пробежал холодный пот.

— Простите, Третий господин, произошёл сбой, — лебезил он. — Этого Линь Чжиюя толпа увезла в больницу. Но я клянусь: сегодня же заберу его оттуда!

Третьему господину Жуаню были неинтересны причины, по которым Линь Чжиюй оказался в больнице. Его волновал только результат.

— Даю три часа.

— Есть... Есть, Третий господин! Через три часа задание будет выполнено!

— Третий дядя, с кем ты там говоришь? Я тебя ищу-ищу, почему ты не идёшь смотреть, как на мне сидит платье?

На том конце провода внезапно раздался капризный, нежный девичий голосок. Звучал он настолько кокетливо, что у сидящих в машине бандитов мурашки пробежали по коже.

Но вызов тут же оборвался.

Мужчина с ёжиком волос убрал телефон и обвёл сообщников свирепым взглядом:

— Шевелитесь! Восьмой и Девятый — со мной в больницу, остальные на подхвате здесь. Мы делаем это не только ради задания, но и чтобы отомстить за Барышню! Поняли?!

— Поняли!

По другую сторону океана Жуань Цзяоцзяо, облачённая в кутюрное платье за десятки миллионов, походила на ангела. Она кружилась, расправляя белоснежную юбку, и невинно улыбалась.

Она ласково взяла Жуань Яньчжэна под руку:

— Третий дядя, кому ты звонил?

— Да так, своим людям в Китае. Не волнуйся, Цзяоцзяо, Третий дядя обещал отомстить за тебя — и обязательно отомстит.

Взгляд Жуань Яньчжэна лучился нежностью, но голос звучал сурово:

— Те, кто причинил тебе боль, жестоко поплатятся.

Затем он запнулся и спросил:

— Цзяоцзяо, а тебе всё ещё нравится этот Линь Чжуйю?

— Ну что ты, Третий дядя!

Жуань Цзяоцзяо тут же надула губки:

— Зачем ты снова о нём? Я уже... — Она обиженно взглянула на Жуань Яньчжэна и опустила голову. — Я давно уже разлюбила его.

— Правда?

— Конечно! — В её опущенных глазах мелькнули слёзы, а в голосе послышались тоска, боль и обида.

Затем она попыталась выдавить из себя улыбку:

— Да, он мне очень нравился, но всё в прошлом. После того как он со мной поступил... как я могу любить его снова?

Глядя на расстроенную Жуань Цзяоцзяо, Жуань Яньчжэн почувствовал, как сжимается сердце. Его узкие глаза зловеще блеснули.

— Третий дядя знает, сколько тебе пришлось вынести.

— Все прежние невзгоды — ничто. Главное, что теперь я нашла настоящую семью, и я невероятно счастлива.

Жуань Цзяоцзяо подняла голову. Её пушистые покрашенные ресницы поддрагивали, а на пылающих щеках заиграла сладкая улыбка:

— Я даже благодарна за все мучения и страдания, что пережила в семье Чжао, ведь благодаря им я ещё больше ценю вас, Третий дядя.

Жуань Яньчжэн растрогался до глубины души, а его ярость по отношению к семье Чжао и Линь Чжияю достигла предела.

Его Цзяоцзяо — такое доброе, послушное и чуткое дитя, а эти твари так с ней обошлись!

Он заставит их пожалеть о том, что они вообще появились на свет!

— Ах да, кстати... Я слышала, тогда Линь Чжияю путался со старшекурсницей. И эта девушка выходила с ним на сцену читать доклад прямо после того, как я призналась ему в любви.

Говоря это, Жуань Цзяоцзяо невольно вспомнила тот день, когда Линь Чжияю приезжал с лекцией в старшую школу при Университете Хуася.

Он был подобен чистому нефриту — благородный, образованный, одарённый невероятным талантом. Каждое его движение дышало невероятным величием. Недаром его звали гением из гениев.

Но этот идеальный снаружи человек оказался гнилым внутри! Не обращая внимания на то, как сильно она нуждалась в поддержке и в какой боли находилась, он отверг её, с трудом набравшуюся храбрости, и бросил на самое дно!

А та длинноногая старшекурсница, что тихо стояла за его спиной и смотрела на него влюблёнными глазами... Вполне возможно, после того как Цзяоцзяо уехала из Китая, они сошлись и жили себе припеваючи!

— Что за старшекурсница? Ты раньше о ней не рассказывала, — у Жуань Яньчжэна было бесконечное терпение к племяннице.

— Я и сама узнала только потом... — Жуань Цзяоцзяо опустила глаза. — Говорят, её зовут Ли Мучао. Она тоже учится в Университете Хуася.